

А. П. Чехов в дореволюционной периодике Дона: критико-библиографический обзор / Л.П. Громов; Ростовская гос. науч. б-ка им. К. Маркса. - Ростов-на-Дону, 1948. – С. 60-74

VII. Чеховский материал в газетах 1914 года

10-летие со дня смерти Чехова в июле 1914 г. было отмечено в местной печати в меньших размерах, чем юбилей в январе 1910 г. Только ростовские газеты поместили на своих страницах довольно обильный материал о Чехове. Газета же «Таганрогский вестник» ограничилась одной небольшой статьей юбилейного характера, и из газет узнаем, что по существу никакого чествования памяти Чехова на родине писателя не было: «Сегодня, в десятую годовщину смерти А. П. Чехова, в помещении городской библиотеки и музея, в 12 час. дня, будет отслужена панихида по покойном писателе. Предполагавшееся в этот день торжественное заседание и народные чтения переносятся на 20 сентября, когда будет организован кружечный сбор на сооружение памятника писателю в Таганроге. Тогда же состоится и прибитие мраморной доски к дому № 67 на Елизаветинской улице. Отмена заседания и лекций вызвана тем, что вследствие жары многие выехали из города и лекторов не оказалось»

Такое «чествование» памяти Чехова в 1914 г. невольно вызывает по ассоциации воспоминание о том, с каким общественным размахом, как глубоко-содержательно было отмечено в июле 1944 г. 40-летие со дня смерти А. П. Чехова. Достаточно напомнить, что, помимо большого количества лекций и докладов о Чехове, выставок, литературных вечеров и спектаклей, торжественных собраний на различных предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях была проведена специальная научно-творческая сессия в Таганроге и Ростове н -Д., на которой с докладами и сообщениями о личности и творчестве великого русского писателя-патриота выступали писатели и научные работники Москвы и Ростова. Только в советской стране, где культура достигла небывалого развития и расцвета, где к строительству социалистической культуры приобщены миллионы трудящихся, возможно такое проведение литературных юбилеев.

В 1914 г. 10-летие со дня смерти Чехова на родине писателя было отмечено единственной юбилейной статьей Н. Старого «А. П. Чехов» (в «Таганрогском вестнике» от 2 июля 1914 г.) повторявшей содержание юбилейных статей в местной печати 1910 г.

По-видимому Н. Старый обратился к этим старым газетам и скомпилировал свою убогую статью. В ней повторяются, главным образом, «патриотические» рассуждения о связи Чехова с Таганрогом: «Он наш, он более принадлежит нам, чем Москве. Почти все его произведения обвеяны сумеречным светом таганрогской жизни. Тут родился и получил первое развитие его талант. Отсюда он черпал тихую красоту своей элегии... Для Москвы Чехов по преимуществу писатель. Для Таганрога он -гражданин, добрый приятель, который не отказывал в сочувствии товарищу детских игр, с которым много лет тому назад теперешние старые общественные деятели ловили щеглов».

Дальше следует сентиментально-идиллическая картинка и попутно дается «сумеречный» облик писателя: «Они, эти деятели, придут на панихиду, они примут участие в торжественном заседании. И они расскажут своим детям, что у них сорок лет тому назад был маленький приятель Антоша. Этот маленький приятель их вырос и стал писать о грусти, неврастении и тоске живых людей, не находящих выхода от липкой и гнилой пошлости жуткого времени... И этот Антоша - тот самый, о котором теперь вспоминают. Тог самый, которым гордится теперь вся Россия».

И особенно курьезно, анекдотически, после приведенной выше информации о характере «чествования» памяти Чехова в Таганроге, звучит фраза Н. Старого: «Чествовать память почившего писателя будут не только в Таганроге. И очень вероятно, что в Москве и некоторых других городах чествование будет более торжественным и шумным. Но можно быть уверенным,

что нигде оно не будет таким интимно-элегическим и задушевным, как в Таганроге... В Таганроге создано совершенно особенное, исключительное отношение к Чехову».

Более содержателен юбилейный материал на страницах ростовских газет. И здесь видное место занимает тема «Чехов и Таганрог». На эту тему написаны статьи и воспоминания Шиллера из Таганрога, А. Дросси, П. Сурожского и др.

Обращает на себя внимание интересная статья «Таганрожцы и А. П. Чехов» Шиллера из Таганрога. Автор говорит об отношении таганрожцев к Чехову при жизни и после смерти писателя. «Таганрожцы не очень много внимания уделяли своему даровитому земляку, когда он жил. Читали его мало, пьесы не делали сборов, даже впервые поставленные. Публика недоумевала, удивлялась и... скучала. Говоря просто, она не понимала Чехова... Не вызывал особого внимания А. П. Чехов к себе и когда приезжал в Таганрог. Это даже заметил и сам наш талантливый земляк.

— Таганрог мне нравится еще и потому, — говорил он, — что здесь меня не трогают, не надоедают. Здесь я могу спокойно отдохнуть.

Чехов довольно часто приезжал в Таганрог, но ни разу его здесь не чествовали, не устроили радушного приема...

Таганрожцы по характеру своему не очень экспансивны, в них нет восторженности, особенно если речь идет о писателе, да еще о своем земляке.

— Никто не пророк в своем отечестве!».

Оценили таганрожцы Чехова, по мнению Шиллера из Таганрога, настоящим образом только после его смерти.

«Однажды один таганрожец сказал мне:

— Мне стыдно, что я прозевал Чехова. Я читал его отрывками, не очень внимательно. Ничего себе, мило, но ничего особенного. Однако, недавно, на отдыхе, я перечитал всего Чехова подряд и был поражен! Был поражен, что не заметил прежде ни его громадного художественного таланта, ни его убеждений... Какой яркий, могучий протест против крестьянской беспросветной тьмы, нищеты, бесправия! Какая жалость к крестьянской нужде, какой протест против произвола! И главное, — какая несокрушимая вера в лучшее будущее!

Так, постепенно завоевал Антон Павлович таганрожцев, но уже после своей смерти».

На ту же тему «Чехов и Таганрог» написан фельетон Аккорда «Игра природы» Аккорд иронизирует над таганрожцами-«патриотами»:

«Сегодня открытие музея и библиотеки имени Чехова. «Нашего», таганрогского Чехова.

— Чехов - таганрожец, - с гордостью говорят сегодня в Таганроге и будут втирать очки.

— Вот мы какие. Мы все немножко Чеховы и в каждом из нас есть немножко от Чехова.

Дамы оденутся в чеховские тона. И каждая вздыхает:

— Я - чайка.

Экспортеры будут говорить:

— Которая Греция и которая Россия?

М. М. Туркин разочарованно пожалуется на тусклые будни и спросит себя:

— А не отказаться ли мне от должности члена управы? Может быть, лучше поступить в Ивановы?

И Чехов незримо будет присутствовать на торжествах. Послушает, посмотрит и улыбнется своей мягкой, немного иронической улыбкой:

— Позвольте вам выйти вон!

Но вы, господа таганрожцы, все-таки не расходитесь. Стоит ли обращать внимание на мертвецов. Вы, ведь, и на живого-то Чехова не очень смотрели».

Затрагивает Аккорд и вопрос о таганрогском колорите в творчестве Чехова. Аккорд считает, что «колоритный приморский город» почти не нашел отражения в творчестве

Чехова. «Чехов весь принадлежит серой русской равнине, его творчество, лишенное ярких, лубочных тонов, какими богата природа его родины, меньше всего свидетельствует о том, что родина наложила на Чехова «неизгладимый отпечаток»

Вопросу о таганрогском колорите в творчестве Чехова посвящена и статья П. Сурожского «Местный колорит в произведениях Чехова» Сурожский был первым автором, серьезно поставившим этот вопрос. Его статья является наиболее обстоятельной из всей дореволюционной литературы о Чехове по данному вопросу.

Сурожский высказал твердое убеждение в наличии таганрогского колорита в творчестве Чехова.

«Чехов, несомненно, дитя своего города, своего края. Местный колорит в произведениях Чехова бросается в глаза всякому, кто сколько-нибудь знаком с жизнью и населением Таганрога и прилегающего к нему района. Это одинаково заметно и в ранних, и в зрелых произведениях Чехова... Наблюдательному и вдумчивому Чехову открывался в родных местах широкий простор для художественных восприятий... Все это дало молодому Чехову огромный запас жизненных наблюдений, которые он использовал потом в своих произведениях».

П. Сурожский не только устанавливает местный колорит в творчестве Чехова, он восторженно любит поэтическим местным колоритом в таких произведениях Чехова, как «Степь», «Счастье».

«Чехова можно назвать певцом степи. С удивительной силой, проникновением и нежностью рисует он степь в самые разнообразные моменты - весной, летом, осенью, в жаркие дни, в лунные ночи, в грозу и в затишье, любовно отмечая каждый штрих, каждую черточку. Это в особенности сказалось в его «Степи», самом колоритном и ярком по зарисовке картин природы произведении. Сколько здесь тонких наблюдений, изумительно нарисованных картин, какое богатство кисти и как верно изображены степные люди!.. А вот прелестное, поэтическое «Счастье». Кто знает тот район, который прилегает к Таганрогу, - холмистую, изрезанную реченьками и балками, степь, разбросанные по ней села и хутора, - тот обрадуется этому рассказу, как чуду. Здесь все местное, яркое, колоритное».

В статье Сурожского есть ценный познавательный материал. Но Сурожский подошел к разрешению проблемы ограниченно - он свел вопрос только к установлению локальных моментов в отдельных произведениях, но не раскрыл идейной функции местного колорита в творчестве Чехова. У Сурожского проявляется тенденция ограничить реализм Чехова, видеть в Чехове только бытописателя. Кроме того, Сурожский, как и другие авторы, не заметил одной существенной стороны в вопросе о таганрогском колорите в произведениях Чехова.

Несомненно, в произведениях Чехова нашли отражение впечатления от таганрогской действительности. Но Чехов знал и отобразил в своем творчестве один лик Таганрога - буржуазно-мещанский, с его купцами, чиновниками, интеллигентами. Другого Таганрога - растущего промышленного центра, со значительным рабочим населением — Чехов не видел. Мы знаем, что в его произведениях пролетариат почти не фигурирует, и лишь изредка («Случай из практики», «Вишневый сад» и др.) он упоминается только как страдающий класс. Чехов не понимал исторической миссии рабочего класса, как единственного, до конца революционного класса, способного уничтожить буржуазно-мещанский уклад жизни, который нашел в лице Чехова страстного обличителя.

Поднимался вопрос о значении Чехова для современности, об общественном резонансе его творчества.

Этому вопросу посвящена, главным образом, статья Виктора Севского «Чеховское».

Автор говорит о том, что в революционные дни 1905 г. «Чехова забыли», «отмежевались от него, как от современника», «отнесли его на страницы истории литературы». «Казалось, что хмурые люди уже в прошлом, что вчера было давно и что на нем уже печать забвения...»

В буйном экстазе Чехова унесли в пантеон, веря, что он в прошлом, а между тем, часто, как никогда, в обществе слышатся фразы:

— Вот тема для Чехова! Будь Чехов - он бы остановился около этого 'факта».

После бурных революционных дней, констатирует В. Севский, наступили «дни бледной печали и разочарования», «снова безвременье, гиблое время, вместо крупных полотен — анекдоты в лицах, этюды, выхваченные из жизни», «снова - хмурые люди, которых понимал и умел писать только Чехов, и фон - ландшафт его, чеховский». И вот в эти дни стала ощутительной ранняя утрата Чехова.

«Снова у нас царство хмурых людей, царство буден, и снова нам нужен Чехов».

В. Севский рисует искаженный облик писателя: «беззлобный сатирик, мирный обличитель, грустный художник с мягкой душой и задумчивым взглядом».

В статье В. Севского проявляется характерная для многих буржуазных критиков тенденция: он утверждает, что творчество Чехова созвучно эпохе реакции, а не революции. В дан ном случае мы имеем дело с одним из приемов буржуазной фальсификации писательского облика Чехова.

К. Народин в статье «Памятник А. П. Чехову» вторил В. Севскому: «Не верится до сих пор, что Чехова нет среди нас и это потому, что еще слишком жива, еще не ушла в историю чеховская Россия». Интересно отметить, что Народин в этой статье категорически утверждает: «Едва ли хоть одного писателя мы знаем так хорошо, так основательно, как Чехова».

А рядом, в статье более осторожного автора - «Пессимиста» («На даче Чехова»), мы читаем: «...и мне кажется, что я вижу в окне белый силуэт доктора Чехова, самого обаятельного и неразгаданного поэта нашей эпохи, которого мы знали слишком близко, чтобы узнать достаточно хорошо».

Лоэнгрин в статье «После Чехова» затрагивает характерный и для юбилейных дней 1910 г. вопрос об интимном, «задушевном» отношении русских читателей к Чехову. «Сколько было писателей в стране и писателей очень известных и более властных в смысле духовного воздействия на поколения, писателей-гигантов, чья деятельность еще будет долго сиять в предстоящих веках. Вспомните только Льва Толстого, многогранного, дерзновенного и смиренного, черноземного и символического. Это-гора Монблан. И все же той трогательности, поистине Изумительной, которую мы питаем к Чехову, нет в наших отношениях к Толстому».

Среди причин, объясняющих такое отношение к Чехову, Лоэнгрин особо выделяет одну: «Эта столь настойчиво и нежно проявляемая нами в продолжение 10 лет со дня смерти Чехова любовь к нему имеет, вероятно, своим источником и то обстоятельство, что все эти 10 лет не пришел никто на смену». И дальше Лоэнгрин подробно останавливается на сравнительном анализе творчества Чехова и писателей-современников.

«Литература уже 10 лет проявляет себя всю только во внешности... В течение 10 лет российский читатель бессменно присутствует на литературных парадах, от которых он знает свой отдых, нежный, грустный и сердечный только в те дни, когда бывают чеховские поминки.

Я не буду говорить о том, сколько внешних и поистине великолепных парадов устраивает нам ежегодно Леонид Андреев... Нам был устроен парадный и долго шумевший выход г. Арцыбашева в «Санине». Не утерпел г. Каменский и выпустил нам парадирующую Леду. Большой парад холодного ума и литературной начитанности нам был устроен Д. С. Мережковским... И, в конце концов, надо признаться, что мы утомлены от всего этого, столь шумно-бесплодного и эфемерно-красивого. Утомлены, потому что не было и нет главного-искренности, с которой все это было бы сказано. Вместо искренности провозгласили литературную манеру... За 10 лет, протекших со дня кончины Чехова, писатели нам показывают свое сердце писателя, сделанное из оберточной бумаги, в которую воткнул бутафорский нож и из которого течет бутафорская клюквенная кровь».

Нельзя отказать Лоэнгрину в меткости характеристики литературных явлений его времени и правильности противопоставления этих явлений творчеству Чехова.

Той же теме «Чехов и современные писатели» посвящена и статья И. Ш. «Эпигоны Чехова» В этой содержательной статье находим много удачных наблюдений и метких суждений. Автор подробно останавливается на параллели—Чехов и Аверченко.

«17 января - чеховский день. А Ростов отпразднует его «вечером Аверченки». Это-символ. От Чехова до Аверченки – вот путь, пройденный нами за десятилетие».

Внешне Аверченко - продолжатель Антоши Чехонте, наследник его смеха, а по существу он – эпигон. У Чехова - «смешное незаметно выросло в трагическое, его унтеры Пришибеевы возвышались до степени символа». У Аверченко и всей «сатириконской братии» (Саша Черный, Теффи и др.) - смех «бессмысленный, животный, растягивающий рот в улыбку до ушей».

«Чехов смеялся над пошлостью, - их смех сам невыразимо пошл». И это потому, что «русская жизнь для них не трагедия пошлости, как для Чехова, а один сплошной скабресный анекдот; на всю Россию бросают зловещую тень сухие очертания виселиц: что нужды! В Петербурге милые «юмористы», потехи ради, на своем ве чере устроили виселицу и повесили манекена... Весело, весело, весело...»

Автор показывает и других эпигонов Чехова, трактуя их литературную деятельность как «вырождение того нового и ценного, что принес он в русскую литературу».

Кстати сказать, Чехов противопоставлялся последующим писателям в местной печати и в 1910 году. Сравнивая творчество Чехова и его преемников, П. Борецкая подчеркивала в литературе после Чехова такие отрицательные явления, как порнография, пинкертоновщина, богоборчество и богоискательство и др.

Затронул эту тему и Омикрон, говоривший о заветах, оставленных Чеховым: «Как же могут быть не дороги нашему сердцу эти великие заветы? И где мы можем отыскать их в произведениях последующих писателей? Где у них эти дорогие, редкие чувства? Где непоколебимая вера в человека? Где вера в торжество правды?».

Статьи Лознгриня, И. LLL, Омикрона и Борецкой примечательны в том отношении, что в них проявилась тяга прогрессивных кругов интеллигенции к творчеству Чехова, в котором они видели воплощение лучших традиций демократической русской литературы, забытых и поруганных многими писателями-современниками Чехова.

Но в то же время необходимо отметить ограниченность литературных взглядов этих критиков, не видевших в русской литературе после Чехова мощного демократического течения в лице лучших писателей того времени - М. Горького, А. Серафимовича, В. Вересаева и др.